

С.Н. Погодин

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

В.О.Ключевский, выдающийся российский историк, одним из первых отечественных ученых поставил вопрос о социологическом методе в истории. У него нет работ непосредственно по социологии, но все его творчество пронизано социологическим методом исследования истории.

У исследователей творчества В.О. Ключевского нет единого мнения о значимости социологических идей в творчестве историка. Можно выделить по крайней мере три группы авторов: представители первой склонны, на наш взгляд, к недооценке теоретических конструкций Ключевского. К этой группе можно отнести М.М. Богословского, М.В. Нечкину, А.Н. Савина [1—3]. Представители второй группы придерживаются диаметрально противоположного взгляда. Сам В.О. Ключевский говорил о себе как об историке-социологе. Как социолога воспринимали ученого и многие исследователи его творчества [4, с. 232, 234].

Ближайший ученик В.О. Ключевского М.К. Любавский утверждал, что «Василий Осипович всегда работал с известным цельным взглядом на свой предмет» [5, с. 8]. П. Смирнов отмечал, что у В.О. Ключевского наблюдается единство теории и истории: «До самого конца Василий Осипович отдавал философии в истории первенствующее место» [6, с. 71], «история без историко-философской основы становится забавой праздного любопытства» [6]. В.И. Пичета и С.А. Голубцов оценивают его как историка-социолога [7; 8]. Н.Н. Бороздин называл его великим синтетиком не только потому, что он осветил историю общества в ее многообразности, но и дал ее в социологическом охвате [9, с. 310]. Для Н.А. Копляревского он, безусловно, историк-философ. Такую же оценку творчеству В.О. Ключевского дал и Р.Ю. Вишпер. Третья группа исследователей творчества В.О. Ключевского стоит на позиции признания равнозначности в его взглядах как теоретического синтеза, так и эмпирического анализа, наличия в нем склонности, способности, интереса к тому и к другому. Особенно ярко эта точка зрения проявилась, на наш взгляд, у А.А. Кизветтера и П.Г. Любомирова.

Такой разброс мнений о творчестве В.О. Ключевского, наверное, меньше всего можно объяснить отсутствием в его социологической системе самой системы. Отсюда и кажущиеся неуловимостью и удельная незначительность историко-философских идей в его исторических исследованиях наряду с бесспорным их наличием и интереса к ним. В.О. Ключевский не только крупнейший историк, но и оригинальный теоретик истории, причем оба эти начала были у него органически связаны друг с другом.

На идейное формирование В.О. Ключевского, как нам представляется, огромное влияние оказал Московский университет, в котором он обучался с осени 1861 по весну 1865 г. В эти годы он очень интересовался естественными науками, изучал труды Ч. Дарвина, Гумбольдта и других выдающихся естествоиспытателей. В конце второго курса В.О. Ключевский пишет небольшой реферат под названием «Сравнительный очерк народно-религиозных воззрений». В этом сочинении подчеркивается влияние природы на человека, на разработку его религиозных верований. «Одной из характеристических черт человека в естественном состоянии, — отмечалось в реферате, — служит то, что он находится под постоянным, неотразимым и непосредственным влиянием природы, которая могущественно действует на всю его жизнь. Ее явления дают те основы, на которых он строит весь круг своих религиозных представлений, все содержание религиозных представлений, все содержание религиозных верований»*. Уже в этом первом самостоятельном произведении начинающего ученого мы видим зародыш его идеи — влияние природы на мировоззрение первобытного человека. Впоследствии географический фактор приобретет у него первостепенное значение при построении схем истории России.

В студенческие годы В.О. Ключевский заинтересовался циклом новгородских былин. Сохранились его записи о былине «Садко», «Об эпических сказаниях Новгорода». Особенности новгородских былин историк ищет в природных и исторических условиях жизни Новгорода. Отмечая типы киевских богатырей, сложившиеся в условиях напряженной борьбы Руси с кочевниками, он писал: «Географические и исторические условия Новгородской области не могли не дать материала для образования богатырских типов». Такие новгородские герои былин, как Садко, Василий Буслаев и др., сложились, по его мнению, в иной обстановке: «Недостаток хорошей почвы в Новгородской области препятствовал раннему и прочному утверждению в ней оседлости и земледелия» [10, с. 188].

В 1866 г. В.О. Ключевский приступил к работе над житиями святых. Первоначальный его план заключался в изучении жития как источника по истории колонизации страны. Проблема колонизации Руси была поставлена С.М. Соловьевым, однако о роли монастырей в этом процессе он ничего не писал. Изучение рукописей Соловецкой библиотеки дало историку материал для небольшого специального исследования «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» [11]. В.О. Ключевский изучил деятельность этого монастыря в тесной связи с проблемой колонизации Поморья. Разбросанность поселений обуславливалась главным образом особенностями Поморского края, обилием рек и в первую очередь близостью моря, свойствами почвы. Народ, а не государство

* Рукописный фонд Института Российской истории. Фонд В.О. Ключевского. Д.26. Л. 3 об.

является творцом колонизации, а сам процесс обуславливался, по мысли историка, природными условиями и ростом народонаселения.

Методологические основы теории исторического знания В.О. Ключевского были определены П.С. Шкуриновым, указавшим направление идейной эволюции взглядов русского историка. «На смену историку-гегельянцу С.М. Соловьеву пришел его ученик В.О. Ключевский, который под воздействием новых условий вынужден был создавать эклектическую теорию множественности факторов, плюралистическую и во многом позитивистскую» [12, с. 37]. Нам представляется, что на историческую концепцию В.О. Ключевского, несомненно, оказал большое влияние классический позитивизм, что ярко проявилось в его «Курсе древней русской истории (1879–1880 уч. гг.): «Я не ошибусь, — писал профессор, — если скажу, что с самого начала по нашей истории проходит неизменно один факт, именно: явления экономические предшествуют политическим и служат их источником <...> На Западе обыкновенно было наоборот. Сначала обозначалась сила политическая, которая захватывала в свои руки народное хозяйство, перестраивала его по-своему <...> Мы уже привыкли для объяснения каждого политического явления прежде всего обращаться к экономическим условиям, его вызывавшим, зная общее правило, действующее в нашей истории, по которому экономические факты у нас всегда предшествовали политическим и их вызывали» [13, с. 69, 178].

На заре позитивизма обществоведение отождествлялось с естествознанием, позже их начинают противопоставлять друг другу. В.О. Ключевский не так резко противопоставляет гуманитарные и естественные науки, как это делает Риккерт. У русского историка это сказалось в постановке вопроса о различной степени познавательных возможностей обществоведения и естествоведения. «Помыслы исторического ведения, — писал историк, — скромнее, чем природоведения. Историк еще не может ставить себе задачи познать законы развития общества». Однако «история отличается от других более точных наук не способами мышления, а только приемами изучения и пределами познания» [14, с. 287, 289]. «Пока предстоит выяснить не сущность исторического процесса, а только метод его изучения и возможные границы исторического познания». Но история имеет и такую задачу, как обнаружение свойств элементов общежития. Поток событий может быть, по В.О. Ключевскому, исследован в двух планах: 1) причинно-следственном (закономерном) и 2) в плане обнаружения свойств, входящих в этот поток начал. Одновременно В.О. Ключевский отказывался от опоры на законы истории и вовсе с ними не считался. «Что такое историческая закономерность? Законы истории, прагматизм, связь причин и следствий — это все понятия, взятые из других наук, из других порядков идей. Законы возможны только в науках физических, естественных. Основа их причинности — категория необходимости. Явления человека обусловлены законом достаточного основания, допускающим ход дел и так, и этак, и по третьему, т. е. случайно. Для историка это безразлично. Для него важно не то, отчего это произошло, а что в нем вскрылось, какие свойства проявили личность и общество при известных условиях, в той или иной комбинации элементов общежития, хотя бы данное сочетание этих условий и элементов было необъяснимо в своем происхождении, т. е. казалось совершенно

случайным» [14, с. 283]. В.О. Ключевский особое внимание уделял роли субъекта и его особенностям в процессе познания. Историческая наука необходимым образом связана с субъективным фактором. Особенности исследователя и эпохи помогают вычленил из объекта отдельные стороны и обеспечивают степень проникновения в него. Заинтересованность и пристрастие историка оцениваются им не как отрицательные моменты, а наоборот, как неизбежные и важные в деле прогресса самой исторической науки. Историк как бы приглашает нас обратить внимание и на этот источник в развитии исторической науки.

Проблеме исторической закономерности В.О. Ключевский придавал условное значение: «Законы истории, прагматизм, связь причин и следствий — это все понятия, взятые из других наук, из других порядков идей [14, с. 282].

По мнению историка, научная цель состоит в том, чтобы «направить историю в науку об общих законах строения человеческих обществ» [15, с. 19]. Изучение отечественной истории непосредственно связано с «практической» целью, означает «осовременивание» исторического знания, связь его с «практическими потребностями текущей минуты», что предоставляло определенную возможность презентативного его истолкования. «Цена всякого знания определяется его связью с нашими нуждами, стремлениями и поступками: иначе знания становятся простым балластом памяти» [15, с. 41, 42].

В.О. Ключевский выдвинул два аспекта, или предмета исторического изучения, связывая с одним проблему анализа особенного, а с другим — выработку «общих исторических схем». Первый аспект исторического изучения — социологический его объект — «природа и действие исторических сил, строящих человеческое общество», вычленение своеобразных моментов, «сочетание» в развитии истории отдельного народа или «местной истории». Данный аспект об изучении «строения общества», его «кинетики» «составляет задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе — историческую социологию» [15, с. 15].

Вторая точка зрения в изучении истории — «культурно-историческая» [15, с. 19] — была связана с установлением преемственности в общеисторическом масштабе. Объектом исторического изучения были «духовности» «культурного запаса» человеческой истории» — «успеха людского общежития, приобретения культуры или цивилизации» [15, с. 14–16]. Как видно, социологический аспект исторического знания должен был стать, по мнению В.О. Ключевского, отправным пунктом всякого исторического исследования. В исторической социологии определенное значение придавалось изучению природного фактора, анализу социальных и экономических проблем человеческого общежития. Таким образом историческая социология, обобщая на основе «культурно-исторического» анализа, вела к поиску ведущей социологической закономерности на уровне идеального пласта общественного развития, т. е. к проблемам культуры и духовным процессам складывания цивилизации.

Ключевский пришел к необходимости выработать общие представления о специфике истории как науки, представить факты истории в их совокупности. Методологической основой для этого послужила плюралистическая теория «взаимодействия» социальных единиц, элементов или исторических сил. Эта теория,

почерпнутая из позитивистской социологии, была поставлена в центр исследовательских интересов историка. В.О. Ключевский склонялся к позитивистскому отождествлению предмета «местной истории» с социологией. «Целый ряд соображений, — писал он, — побуждает историка при изучении местной истории быть по преимуществу социологом» [15, с. 17]. Сохраняя в качестве первичной функции истории сбор материала и анализ источников, В.О. Ключевский все более насыщал ее предмет социологической проблематикой, переключая внимание исследователя на «природу и действия исторических сил, строящих человеческие общества», к «выявлению общих правил» [15, с. 17].

Ключевский ставит вопрос о сравнительном значении элементов в историческом процессе. Факты, действующие в истории, допускал историк, обладали статусом однопорядковости, равнозначности лишь в теории. Их действительное проявление в историческом процессе было поставлено в зависимость от пространно-временных условий конкретно рассматриваемой ситуации. Не все элементы включались в работу одновременно и в равной степени, каждый из них выполнял свою функцию применительно к отдельным историческим эпохам. В.О. Ключевский представлял сам процесс вхождения элементов в процесс исторически развивающимся: «Не все исторические факторы вошли в историческую работу в полную меру своих сил. Так еще трудно уловить действие философии на склад и ход общежития» [14, с. 289]. Он сводил исторические перспективы к проблеме установления «гармонизированных» отношений между элементами [15, с. 19, 23–25] и обращению их в «потребность общежития» [14, с. 265].

Историческая наука, по его мнению, выполняет две функции и соответственно может быть подразделена на две части (имеет два предмета изучения): а) исследовать процесс накопления опыта, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств. Таков объект истории культуры или цивилизации. Ученый при этом должен обязательно выйти за пределы событий отдельного народа, ибо плоды цивилизации «созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов и ход их накопления не может быть изложен в тесных рамках какой-либо местной истории» [16, с. 16]; б) постигать строение общества, свойства и действие сил, создающих и направляющих людское общежитие, — такова цель того, что Ключевский называет исторической социологией. Особенность его социологической доктрины состоит в том, что он хочет обнаружить общее, не абстрагируясь от конкретного, преходящего, а наоборот, через посредство выделения и последующего сопоставления событий, в которых наиболее ярко выступает конкретно-неповторимое, уникальное, сознательно опуская как не представляющее интереса для социолога все то, что связано с часто встречающимся, напоминающем о другом, типичном. В центре его теории, таким образом, оказывается неповторимо единичное. В.О. Ключевский подчеркивал органическую связь истории и социологии, последняя составляет часть исторической науки, выделение ее как таковой весьма относительно. К термину «социология» историк из принципиальных соображений считал нужным прибавлять слово «историческая». Историзм, по Ключевскому, не касается законов, действующих в нем сил; остается неизменной сама природа общежития, ее принципы и возможности.

Прогресс, по его мнению, сводится к тому, что, проходя через бесчисленное количество различных ситуаций, которые в свою очередь являются продуктом случайных комбинаций элементов общежития, постепенно, стихийно люди научаются извечным основам гармонии общежития, а история как наука в своей теоретической части имеет задачей познание возможностей таких неизменных начал общественности. «Но в истории, — писал В.О. Ключевский, — скрывается общежительная природа человека и вопрос о закономерности исторических явлений заменяется вопросом о последовательности, с какой вскрываются разные стороны этой природы» [14, с. 289–290].

История не создает, по мнению В.О.Ключевского, ничего нового, новое сводится к обнаружению не выявленных ранее сторон вечного и к более полному пониманию человеком этого неизменного состава общежития. «Словом, следя за необозримой цепью исчезнувших поколений, мы хотим исполнить заповедь древнего оракула — познать самих себя, свои внутренние свойства и силы, чтобы по ним устроить свою земную жизнь» [15, с. 18].

Изменению подлежат: во-первых, степень знания человеком этого социально-го механизма; во-вторых, только то, что может изменяться в пределах того же механизма и, следовательно, должно служить лишь средством к постижению неизменной социальной структуры и ее гармонизации. Бесчисленные исторические явления слагаются из сравнительно небольшого числа «первичных элементов развития», «коренных исторических сил», «основных культурных элементов», «простых элементов исторической жизни». Число их невелико. «Может быть гораздо меньше, чем сколько знаем элементов физической природы, первоначальных простых тел, из которых слагается все необозримое разнообразие Божьего Мира. Как и в природе, элементы общежития образуют удивительно разнообразные сочетания, в различных местах и в различное время, и, что еще важнее для нас, каждый элемент действует различно, обнаруживает не одинаковые культурные свойства в различных сочетаниях» [17, с. 10–11].

Не менее важно, что «каждая из этих сил, отдельно взятая, не может составить никакого исторического организма, потому ни одна из них не является в истории действующей одиноко. И не может быть изучена в чистом и беспримесном виде» [17]. Ее возможности могут быть познаны только в комплексе, в конкретно-исторической комбинации с другими первоначалами. Такие комбинации порождаются самой конкретизацией исторического процесса. Они и дают в своей совокупности возможность постигнуть природу исторической силы, ее свойства. Ключевский писал в этой связи: «Но по условиям своего земного бытия человеческая природа, как в отдельных лицах, так и в целых народах, раскрывается не вся вдруг, целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам “места и времени”» [15, с. 18]. Таким образом, все богатство отличий, существующее между народами и стадиями их истории, относительно, ибо все это многообразие есть проявление общих начал, какой-то общей природы общежития, которая при посредстве истории только обнаруживает свои вечные свойства и способности.

Объектом исследования социологии является конкретно-неповторимое, черты особенные, а не общие. И именно благодаря этому обстоятельству социология насыщается историей, приближается к ней, превращается в ее составную часть,

получает наименование исторической социологии. «С этой стороны, — указывает В.О. Ключевский, — могут представлять большой методологический интерес процессы местной истории, особенно ясно вскрывающие эту механику, в которых исторические силы являются в условиях действия более не наблюдаемых. Даже если эти процессы не оказали значительного влияния на общее историческое движение» [17, с. 3] «эти сочетания — основной предмет исторической социологии» [15, с. 19]. «Но, чтобы найти и понять скрытые пружины, движущие этот общий культурно-исторический процесс, надобно на время оторваться от него и сосредоточить внимание на частных местных строениях, представляющих жизнь того или другого народа» [15, с. 381]. «Природа и взаимодействие элементов общежития, как они проявились в исторически сложившихся обществах — таков основной предмет исторической социологии» [15]. «С этой стороны научный интерес того или другого народа определяется количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общежития. В этом отношении история страны, которая представляла бы повторение явлений и процессов, уже имеющих место в других странах, если только в истории возможен подобный случай, представляла бы для наблюдателя немного научного интереса» [15].

В.О. Ключевский отождествлял социологию с конкретной историей, что служило философским оправданием для изучения эволюции отдельного народа и методологическим фундаментом его «Курса русской истории». Пристрастие историка к индивидуальному, особенному, оригинальному, специфическому, случайному всегда отмечалось исследователями его творчества. Тем самым он отошел от какой-либо схемы исторического процесса, предваряющей исследование. Когда он говорил о периодах русской истории, то последние у него вырастали из конкретного материала, присущего только истории данного народа. Никаких общих этапов социального развития он не признавал, и, следовательно, не использовал.

Ключевский исходил из положения, что в истории действуют не гармонизированные начала, он называл их то «чувством законности» и «бодростью мысли», то «благоустроенным государством и свободной личностью» [18, с. 270]. «Вообще эти два начала до сих пор не нашли средств подать друг другу руки, — писал историк. — Очевидно, и государство со своими претензиями и аппаратами благоустройства, и личность с своими воспаленными мечтами о свободе суть одинаково преходящие явления, принадлежащие по природе своей к числу тех, от которых человечество успело уже отделаться. Очевидно также, что эти явления не могут дать смысла истории, если жизненный инстинкт не ведет под покровом их движения более разумного, которое дух человеческий направит со временем к своим высшим целям. Это движение идет давно, и его можно охарактеризовать тем, что в борьбе противоположных начал, действующих доселе наверху человеческих обществ и одинаково проникнутых духом насилия, выковывалась, как в горниле, способность человека правильно понимать и осуществлять свои отношения к человеку. Все в истории служило этой главной цели. Таким образом, многовековая история получает значение школы, в которой люди учились разумно жить друг с другом. Когда это воспитание кончится и начнет давать заметные плоды, тогда разум человеческий, овладев тысячелетним тру-

дом инстинкта, сумеет снять с человечества все школьные аппараты, которые доселе составляли его историю. Что он поставит на их месте, какие начала, какие формы — это скрывается в дали едва слагаемого будущего» [14, с. 243-244].

В.О. Ключевский первый в России из историков признал роль экономического фактора в историческом процессе. В 1880-х гг. в своем основном «Курсе истории древней Руси» историк развивает мысль, что одной из особенностей русского исторического процесса является примат экономического начала над политическим. Эволюция хозяйства выступает у историка наряду с географическим, социальным и политическим началами необходимым фактором периодизации истории общества. Однако у В.О. Ключевского повышенный интерес к экономике сочтается со старым позитивизмом, с его сближением исторических явлений с физико-биологическими. Систему социальных отношений он отождествляет с социальной механикой и «физиологией исторических сил». Характеризуя свою социологию, В.О. Ключевский сводит ее к «статике». В одной из его записных книжек, хранящихся в Центральной исторической библиотеке Москвы, можно прочесть: «Итак, история изучает возникновение и строение человеческого общежития (самый строй его, условия и законы этого строя — предмет особого отдела истории-социологии-статики в отличие от динамики истории)». О. Конт к социологии относил не только статику, но и динамику. У В.О. Ключевского для такого сужения предмета социологии имелись достаточные основания, ибо он ставит перед социологией, по сути дела, задачу открыть общие неизменные законы человеческого общежития.

В конце XIX столетия в русской исторической литературе шел спор о том, как строить и преподавать курс национальной и всеобщей истории. Почти все участники полемики стояли на позиции необходимости «новой исторической науки», преодоления традиционной трактовки, за социологический подход к историческому материалу. Задачу преподавания истории видели не столько в ознакомлении с ходом событий, сколько в понимании процесса исторического развития.

Спор шел по вопросу о том, в чем проявляется существенное со всемирно-исторической точки зрения: в том ли, что типично, общо и закономерно; сводится ли к событиям, которые оказали наибольшее влияние на судьбы человечества, или, наконец, где то или другое начало проявилось наиболее полно и отчетливо. Концепция В.О. Ключевского ближе всего примыкала к последней точке зрения. Р.Ю. Виппер особо ценил в его курсах по русской истории именно наличие всемирно-исторической точки зрения. Что же касается синхронного изложения событий, связанного с тем, что В.О. Ключевский считал одной из задач истории цивилизации, его курсы шли в плане социологической истории.

Основной принцип концепции В.О. Ключевского — принцип синхронности, взаимосвязанности, взаимообусловленности в развитии народов, населяющих Европу, требование при построении курса истории руководствоваться в качестве конструирующего начала выделением тех стран и событий, в которых наиболее колоритно и полно выступают ведущие стороны в эволюции общежития, и, наконец, мысль о существовании определенного набора качеств, при-

сущих обществу и время от времени вновь дающих о себе знать. Все это порождает представление об ограниченном числе образующих его элементов и самих комбинаций, о некоей неизменной основе человеческого общества, об органическом тождестве его во все времена.

Ключевский решающую роль в историческом процессе отводил коллективному началу, сознательно отодвигая индивида на второй план. Сказанное не означает, однако, что он не любил или не был способен на выразительные характеристики исторических персонажей. Наоборот, как известно, он является непревзойденным мастером этого искусства. Но деятели, которых он так выразительно описывает, предстают прежде всего как выразители своего времени, в действительности весьма ограниченными в своих возможностях. Другой характерной особенностью мировоззрения В.О. Ключевского была идея постепенности, унаследованная им от С.М. Соловьева и Ф. Гизо. Роль исторического гения в традиционной трактовке в сознании историка не совмещалась с принципом эволюционизма, чем и обусловлено занижение им оценки «героев», доходящее порой до подлинного развенчания последних.

Перерождение классического позитивизма на Западе в неопозитивизм получило свое отражение и во взглядах В.О. Ключевского. Прежде всего это проявилось в повышенном его интересе к вопросам исторического познания; онтологическая проблематика в его книгах вытеснялась гносеологической. Специфика социального познания утверждалась в концепции истории В.О. Ключевского с теоретических позиций философского дуализма, что проявилось в воззрениях историка на проблему взаимосвязи природы и общества, естествознания и обществоведения. В начальный период своего творчества историк часто отождествлял методологию познания социальных явлений с понятиями и методами естественных наук. «В истории человечества есть связь явлений, свои неизменные законы, столь же чуждые уму и столь же мало покорные его влиянию, как связь и законы явлений природы» [14, с. 242] Общность законов природы и общества, согласно В.О. Ключевскому, заключалась в том, что «те и другие одинаково проникнуты характером необходимости» и «независимости от личной воли». Однако этот «общественный» детерминизм, аналогичный природному, историк усматривал лишь в «мире факта», т. е. в «сфере материальной природы», которому он противопоставлял сферу «духа» [14, с. 241–242].

Свое понимание «мира факта» В.О. Ключевский выразил более определенно в «методологии», сведя его к «природе страны» и «физической природе человека». Природа, по мнению историка, представляла лишь страдательную, «пассивную, оборонительную сторону исторического процесса, лишенную атрибута действия и изменчивости: мир факта есть мир, совершенно чуждый духу и бессознательный, он существует без него; законы его неизменны» [14, с. 242].

Проблема взаимосвязи природы и общества в концепции В.О. Ключевского выступала по преимуществу как проблема влияния географической среды на историю страны, т. е. сводилась к механической доктрине географизма и дополнялась элементами антропологии «естественных влечений» неизменной человеческой природы. Сближая исторические явления с физико-биологическими, В.О. Ключевский пытался определить предмет истории то как «физиоло-

гию исторических сил», то как «кинетику» общественного развития [19, с. 15]. О том же свидетельствует попытка установить аналогию между методом анализа химических взаимодействий Д.И. Менделеева и изучением социальных отношений [20, с. 256].

«Географизм» и «экономизм» в творчестве В.О. Ключевского Н.Л. Рубинштейн объяснял влиянием Бокля и позитивизма. «От позитивизма, — писал Н.Л. Рубинштейн, — идет прежде всего выделение природного фактора, значение географических условий в историческом развитии народа. Как и Соловьев, он [Ключевский — П.С.] ссылается при этом на Бокля, как на образец» [21, с. 450].

В тесной связи с понятием «исторические силы» находится у В.О. Ключевского категория факторов исторического процесса — географического, экономического, политического. Стремление понять историю в ее «жизненной цельности» приводило к плюралистической теории многофакторности. В этом состоят позитивистские тенденции В.О. Ключевского.

Литература

1. Ключевский В.О. Характеристики и воспоминания. М., 1912.
2. Нечкина М.В. Взгляд Ключевского на роль идей в историческом процессе // Красная Новь. 1926. № 5.
3. Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922.
4. Нечкина М.В. История изучения В.О. Ключевского // Исторические записки. М., 1969. Т. 84.
5. Любавский М.К. В.О. Ключевский // Ключевский В.О. Характеристики и воспоминания. М., 1912.
6. Смирнов П. В.О. Ключевский // Военно-исторический вестник. 1912. № 2.
7. Пичета В.И. Исторические взгляды и методологические приемы В.О. Ключевского // Известия общества славянской культуры. М., 1912. Т. 1. Кн. 1.
8. Голубцов С.А. Теоретические взгляды В.О. Ключевского // Русский исторический журнал. 1922. № 8.
9. Бороздин И.Н. Памяти В.О. Ключевского // Современный мир. 1911. № 5.
10. Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1961. Т. 69.
11. Московские университетские известия. 1866–1867. № 7.
12. Шкуринов П.С. Критика позитивизма В.И. Танеевым. М., 1965.
13. Ключевский В.О. Курс древней русской истории (1879–1880 уч. г.). М., 1880.
14. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
15. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. 1.
16. Ключевский В.О. Введение к «Курсу древней русской истории» (1879–1880 уч. г.) М., 1880.
17. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекции 70-х гг. Варианты и заметки. ОПИ Ин-т Российской истории РАН. Ф.4, оп. 1, ед. хр. 1.
18. Герье В.И. Курс новой истории 1876–1877 гг. М., 1878.
19. Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. 1.
20. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.
21. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.